

К тому же я была беднее их и не могла позволить себе ходить по ресторанам или кафе, поэтому почти никогда не участвовала в подобных сборищах. Из-за этого А Вэнь всегда приходил полным энтузиазма, а уходил разочарованным. Не знаю, волновало ли его на самом деле, пойдём ли мы со Стивом на вечеринку, однако выражение досады на его лице при каждом уходе неизменно пробуждало в моем сердце злорадную искорку. Я переставала понимать сама себя. На самом деле, даже на те регулярные лабораторные собрания, которые мы все-таки посещали, не приносили никаких интересных для меня новостей или научных статей. Меня не волновало развитие темы исследования, я даже не хотела, чтобы Стив вовремя защитился следующей весной — мне хотелось сохранить эту работу вплоть до выпуска в мае через год. Мае через год. Еще двадцать пять месяцев. Казалось, это так бесконечно и невообразимо далеко. Настолько далеко, как белая черта, которую оставляет реактивный лайнер в высоком лазоревом небе — она лишь постепенно бледнеет, истончается, но конца ей все равно не разглядеть. Небо здесь было суетливым, все исчерчено переплетающимися белыми линиями. Я отыскивала одну, уходящую на запад. Я фантазировала, как она перешагивает через бескрайний океан и достигает того города, где я выросла. Однако я не видела конца этой белой линии — она лишь безмолвно растворялась, а затем естественным образом таяла в многоликих облаках. След, оставленный гигантским реактивным лайнером, оказывался до странности бесшумным. Совсем не так, как грохот проходящего поезда: из-за близости к путям его мощь казалась грандиозной. Пусть и грандиозной, но мимолетной. Многими ночами мне снились старая пекинская обсерватория и медленно проплывающие под ней поезда. Проснувшись, я вспоминала, что с нашего балкона или крыши дома этот пейзаж уже давно не разглядеть.

Глава 7 (1)

Май. Белые снега растаяли. К своему удивлению, я обнаружила, что лужайка под ними изумрудно-зеленая. Оказывается, эта трава вовсе не увядала, ее просто все время укрывали сугробы, а я по умолчанию воображала ее сухой и пожелтевшей. Зимний семестр подошел к концу, и тут же начался весенний. Мои успехи были блестящими: по «Высшей теории управления» я с легкостью получила A+ — это был лучший результат во всем классе. На лекциях мне больше не казалось, что профессор говорит бессмыслицу, и я наконец-то стала понимать вопросы однокурсников. Хотя на самом деле вопросы большинства американских студентов, при всей их уверенности в интонации, по своему содержанию — вроде почему производная от $1/x$ равна $\ln X$ или почему синус, деленный на косинус, дает тангенс — просто вызвали улыбку. Откуда столько уверенности? Как-то раз я услышала от одного китайского профессора из нашего департамента: в Америке воспитание у детей уверенности в себе — едва ли не важнейшая цель начальной и средней школы. Родители и учителя обязаны шумно хвалить и поощрять ребенка за малейшее крошечное достижение. Как же это отличалось от нашего детства! Когда приносишь домой контрольную с высшим баллом, отец лишь равнодушно бросает: «Нормально». И все же уверенность в себе, без сомнения, бесценна. С толикой уверенности, пожалуй, прибавляется и храбрости для воплощения собственных мечт. Каким бы умным ни был человек, он неминуемо столкнется с трудностями, и без веры в свои силы ему вряд ли удастся двигаться дальше. А вдруг мне как раз и не хватает этой уверенности? Наверное, так оно и есть. Пожалуй, по сравнению с китайскими ровесниками мне тоже не доставало уверенности в себе. В конце концов, они не тратили столько времени на копошение в семейном хламе. Но как бы то ни было, первый семестр в Америке завершился отличными оценками и стабильной работой, так что моя уверенность должна была хоть немного подрасти. По крайней мере, настроение наконец-то стало чуть больше соответствовать этой полной жизни поре. Мое жилище постепенно обретало благополучие: еврей-арендодатель продал мне двадцатидюймовый цветной телевизор — из тех, что вмонтированы в огромный деревянный ящик. Хотя возрастом он был под стать мне, изображение и звук шли четко, а

заболевшая пожилая женщина даже помогла провести кабельное телевидение в мой подвал. Моя жизнь стала намного ярче и разнообразнее. Больше всего меня приводил в восторг международный канал кабельного телевидения, который каждую ночь транслировал четырехчасовую программу на китайском языке. В том числе получасовой выпуск новостей Центрального телевидения. В ту ночь, когда я обнаружила программы Четвертого канала, я замороженно лежала у изголовья кровати, от начала и до конца не пропустив ни единого слова в «Новостях». Когда я вновь услышала фоновую музыку прогноза погоды Центрального телевидения, я едва не расплакалась отхлынувших чувств. До чего же смешно: я ведь никогда не интересовалась текущими событиями. Хотя весна в Энн-Арборе была столь же короткой, как и в Пекине, здесь никогда не поднимались пекинские песчаные бури. Более того, все улицы утопали в цветущих персиках и яблонях. Так что эта весна мне даже полюбилась. А Вэнь же ненавидел это время года. Специфический аромат весеннего воздуха вызывал у него аллергию. С того самого дня, как женщина-метеоролог на NBC торжественно объявила о наступлении весны, он начал беспрестанно чихать, из глаз текли слезы, и так круглые сутки, день и ночь напролет — сущий кошмар. Я не проводила с ним дни и ночи, мы виделись лишь на еженедельных совещаниях, но по его воспаленным глазам, уставшему виду и марафонскому чиханию я догадывалась, что его круглые сутки терзала цветочная пыльца в воздухе. А мне эта особенная весна действительно пришлась по душе. Особенно по вечерам, когда сгущались сумерки, я замедляла шаг ради этого мягкого аромата и намеренно задерживалась на улице подольше. Что ж, мы с А Вэнем и правда были совсем разными. Впрочем, сенная лихорадка никому не мешала А Вэню являться к Стиву с оповещениями о самых разных встречах и посиделках — приближающееся чихание неизменно заранее возвещало о его появлении. Теплым июньским днем лаборатория заливалась ярким солнечным светом из окна, однако кондиционер внутри переусердствовал, и мне отчего-то стало зябко. Мы со Стивом молча стояли перед зубастыми автомобильными кронштейнами, невозмутимо повторяя наши привычные тесты. Стив был очень тихим и застенчивым человеком; в отличие от других знакомых мне американцев, он никогда первым не заводил разговоров о Китае и не демонстрировал интерес к этой далекой и загадочной восточной стране. Хотя порой я чувствовала, что на самом деле его ничуть не волнуют мои ответы, ведь готовое мнение уже давно созрело в его голове. Он и так прекрасно знал, что китайцы отродясь не видели телевизоров. Большинство американцев в действительности вовсе не интересуются чужой культурой. Точно так же, как мой первый хозяин дома: его не волновало, чем Китай отличается от Японии, и он вовсе не заботился о том, знают ли китайцы вообще о существовании телевизора. Если он изредка и выказывал интерес, то лишь затем, чтобы подчеркнуть собственное превосходство американца.

Глава 7 (2) Стив никогда не спрашивал меня о Китае, поэтому и не пытался выставлять напоказ свое превосходство, присущее американцам. Мы всегда молча занимались своим делом, сведя разговоры к минимуму. Черты лица Стива не были такими резкими, как у большинства белых, — на мой вкус, в них соблюдалась идеальная мера. Уголки его губ всегда были чуть приподняты, словно в полуулыбке, даже когда он задумывался, а уж когда он улыбался по-настоящему, это выглядело еще притягательнее. Его щеки всегда были гладко выбриты, с легким синеватым отливом, от него веяло едва уловимым, чистым ароматом лосьона после бритья. Обычно я не нахожу белых мужчин сексуальными, но Стив стал исключением. Возможно, дело в его внешности, а может, в его молчаливости. Конечно, его молчание порой казалось высокомерным, но это ничуть меня не отталкивало. Я верила: эта отстраненность заложена в самой его крови, а не разыграна специально для меня.

Полуденное солнце быстро добралось до его лба, на котором выступили прозрачные капли пота. А мне при этом стало холодно — рубашки, надетой на меня, явно не хватало, чтобы

противостоять ледяному дыханию кондиционера. Я украдкой взглянула на его футболку и недоумевала: как он может быть так легко одет и при этом обливаться потом?

Время будто остановилось. Когда человек занимается тем, что его совершенно не заботит, такое состояние вполне естественно. Внезапно в коридоре снова раздалось знакомое чихание. Я встрепенулась. Впрочем, эта вспышка бодрости лишь добавила тревоги, а недавняя апатия сменилась чувством вины. Эта работа не только обеспечивала меня всем необходимым, но и позволяла делать небольшие накопления — я не имела права относиться к ней с таким пренебрежением.

А Вэнь в мгновение ока вошел в комнату. Он сообщил нам, что один из студентов профессора Ло в следующем месяце заканчивает обучение, поэтому сегодня вечером все решили устроить прощальную вечеринку. Ситуация была особенной: если не пойти, это выглядело бы как нежелание поддерживать отношения. Стиву было неудобно отказываться, и он лишь сказал, что закончит работу и сразу придет. Вдобавок он предложил, чтобы я, возможно, прямо сейчас пошла и помогла организаторам. На самом деле, мои отношения с организаторами были не настолько близки, но в глазах А Вэня промелькнул какой-то свет, и я не смогла отказать.

Мы вышли из лаборатории, и А Вэнь выглядел очень довольным. Он сказал, что отвечает за закупки, и позвал меня с собой. Мы сели в его Тойоту. Несмотря на то что июнь только начался, машина простояла на парковке всю первую половину дня, и внутри стало жарче, чем в пароварке. Сидя в таком душном салоне, кто бы поверил, что еще месяц назад вдоль дорог лежал снег? Я изо всех сил опустила окно. А Вэнь попросту снял рубашку. Его футболка оказалась тесноватой, четко обрисовывая контуры плеч и спины. Я перевела взгляд на улицу: огромная парковка была плотно забита разноцветными автомобилями, чье-то зеркало заднего вида отразило солнечный луч, и мне пришлось зажмуриться от яркой вспышки.

Машина медленно тронулась, в салон ворвался ветерок — до чего же освежающее чувство! Супермаркет, куда мы направлялись, находился на другом конце города. Там было все — и еда, и товары для дома, а цены — ниже, чем в магазинах у кампуса. Из-за приличного расстояния мне прежде не доводилось там бывать.

Автомобиль быстро выехал за пределы кампуса. Ровные ряды учебных корпусов исчезли, уступив место густым кустарниковым зарослям. Переплетенные зеленые ветви выглядели так, будто здесь никогда не ступала нога человека. Внезапно заросли сменились простором голубого неба и облаков. Машина выехала на широкий мост. Река под ним была невероятно широкой; если бы она не петляла, уходя за горизонт, я бы приняла ее за озеро.

— Это река? Какая же она широкая! — воскликнула я.

— Ты никогда здесь не бывала? Это же самое красивое место в Энн-Арборе!

— Не бывала. И не слышала о нем. Но здесь действительно очень красиво.

— Может, остановимся у берега? Времени еще полно.

А Вэнь съехал с главной дороги и припарковался на небольшой стоянке у реки. Полуденное

солнце становилось все более томным. Вода медленно текла, стайка уток пряталась в тени деревьев, выклеывая что-то в иле между галькой. Мы сидели на скамейке, наблюдая за игрой теней на поверхности воды. Группа гусей осторожно приближалась к нам, ожидая, что мы вытащим хлеб или печенье, чтобы их покормить.

— Тебе здесь нравится? — внезапно спросил он. — В смысле, в Америке.

— Нет. — Я была застигнута врасплох, но, немного подумав, решила ответить прямо. Мне не хотелось тратить силы на притворство в этой расслабленной обстановке.

— Почему? — Похоже, он спрашивал меня, хотя прозвучало это как размышление вслух.

— Здесь слишком холодно, да и одиноко.

— Хочешь вернуться в Пекин?

— Хочу. Но не могу.

— О, почему же?

— Не хочу разочаровывать семью.

— Я тоже.

— Ты тоже хочешь вернуться на Тайвань?

— Нет, я не хочу. Я имел в виду, что тоже не хочу разочаровывать родных.

Я удивилась, но у меня не было сил расспрашивать дальше. Во всем виновато полуденное солнце — оно словно вытянуло из меня всю энергию. Мы долго молчали.

— Моя семья хочет, чтобы я вернулся на Тайвань.

— Почему?

— Хотят, чтобы я женился, завел детей и наследовал семейное дело.

Я снова почувствовала бессилие. Не было сил даже шевельнуть губами или языком. С реки подул легкий ветерок, принес аромат водорослей.

— Но у меня нет девушки. И я не хочу жениться.

Я не знала, зачем он добавил эту фразу. Я ничего не спрашивала. Мои мысли куда-то уплывали. Наверное, каждый в итоге должен жениться. А Лань когда-то писала в дневнике: Хуэй обязательно женится, поэтому у меня нет будущего. Но женился ли Хуэй на самом деле? На той девушке по имени Мэй? Если да, то их дети, должно быть, уже выросли. А где сейчас А Лань? В этот самый момент, в том самом будущем, о котором она писала, что у нее есть?

Женитьба. Странное слово. Помню, в детстве я тоже об этом мечтала. Еще минуту назад это казалось чем-то далеким, а теперь словно маячит прямо перед глазами. Например, Вэй — может, он уже женился на Юй Цзяхуэй? Скорее всего, нет, они еще не закончили учебу. Учеба Вэя на отделении специалиста длилась три года, Юй Цзяхуэй была на курс старше нас, и этим летом, всего через месяц, они оба выпускаются. Станут ли они сразу играть свадьбу?

Дикие утки прыгнули в воду, брызги нарушили ход моих мыслей. Я повернулась посмотреть на них, но встретилась взглядом с А Вэнем — его глаза казались какими-то тусклыми. Может, все дело в тени деревьев? Солнце все-таки было слишком ярким. А Вэнь тут же отвел взгляд в сторону уток. Возможно, он повернулся слишком резко, и на его шее, слегка покрасневшей от загара, вздулась вена. Мой взгляд стал чуть смелее. Я, словно нечаянно, положила руку на плечо А Вэня. Футболка действительно оказалась тесноватой, а на ощупь — гладкой и ровной. Его тело будто окаменело, каждая мышца, каждый волосок напряглись, но его жар проникал сквозь мою ладонь. Я убрала руку и посмотрела на тени деревьев в воде — они стали длиннее и уже дотянулись до середины реки.

— Пойдем, кажется, уже поздно.

А Вэнь расправил плечи, словно его мышцы долго были напряжены и теперь затекли.

— Хочешь, я научу тебя водить? — вдруг добавил он. — Тогда сможешь чаще сюда приезжать.

Я промолчала, лишь улыбнулась ему. Научиться водить — для меня это было пределом мечтаний, хотя сбережений было мало, и я не могла позволить себе даже самую развалюшную подержанную машину. Я подняла с берега плоский камешек и запустила его по воде — он весело запрыгал. А Вэнь попробовал повторить, но, кажется, был не в духе: его камень сразу ушел на дно. Совсем как в школе. Тогда мы с Вэем часто бродили у крепостного рва: его камешки скакали по воде раз за разом, а мои неизменно тонули. Зато мои круги на воде были куда больше — они расходились, разбивая и смешивая тонкие узоры, созданные Вэем. Или, правильнее сказать, они сливались воедино, и уже нельзя было разобрать, где чьи.

Вечеринка проходила в той же лаборатории, где мы обычно проводили собрания. К моему удивлению, профессор Ло не пришел. Зная, как профессор любит пошутить и пообщаться, он ни за что не пропустил бы такое важное событие. В конце концов, получение его студентом докторской степени — это результат четырех-пяти лет упорного труда. Хотя, с другой стороны, он, наверное, чувствовал грусть оттого, что теряет ценного сотрудника.

Для профессоров в американских университетах главная задача — не обучение, а научные исследования. Неважно, как плохо ты читаешь лекции: если у тебя есть значимые научные достижения и в руках — крупные гранты, ты прочно сидишь в профессорском кресле, пока не станешь профессором с пожизненным контрактом. А исследования, естественно, проводят докторанты под руководством профессора. Поэтому отношения между ними — это, по сути, отношения босса и подчиненного. Профессор — это босс и делец: написание отчетов и получение финансирования похожи на успешную сделку. А докторанты — это работники, которые производят продукт, а их зарплата, то есть стипендия, почти всегда выплачивается из профессорских грантов. Для профессора вырастить докторанта — все равно что обучить

сотрудника: уходит много времени, прежде чем он начнет работать эффективно. А докторант рано или поздно должен получить степень и уйти, значит, помогать боссу с наукой он больше не сможет. Поэтому многие профессора не хотят, чтобы их студенты выпускались слишком рано, а некоторые даже втайне чинят препятствия, затягивая срок обучения.

Профессор Ло был человеком добрым и всегда старался заботиться о своих студентах, поэтому его отсутствие на прощальной вечеринке вызывало вопросы. Однако его аспирантов это ничуть не удивило. Они без стеснения подшучивали над профессором и его женой, рассказывая истории о том, как профессор боится супругу и всегда сразу после работы бежит домой. Я не знала, верить им или нет.

На самом деле, такие вечеринки были довольно скучными. Будущий выпускник оказался невысоким, худощавым, с удивительно смуглой кожей и невнятной речью — он напомнил мне коренных жителей тайваньских Центральных гор. Этот невысокий «абориген», должно быть, и был тем самым сторонником «независимости», о которых я читала в газетах. Я слышала, как кто-то из иностранцев спросил его, китаец ли он, на что тот ответил: «Нет, я тайванец». Такой ответ отличался от поведения других тайваньских студентов профессора Ло: на подобные вопросы они обычно отвечали, что они китайцы, но выросли на Тайване. Видимо, переселенцы с материка на Тайване в меньшинстве, но почему в лаборатории профессора Ло они стали большинством? Возможно, потому что сам профессор был «приезжим».

Странное дело: люди всегда стремятся разбиться на группы — по цвету кожи, по языку, по акценту, по месту рождения, по поколению. Помню, в детстве я читала Гулливера: две страны воевали между собой лишь потому, что одна начинала бить яйца с тупого конца, а другая — с острого. Тогда меня интересовало не то, почему они воюют из-за такой чепухи, а то, как, разбив яйцо, можно ловко разделить его двумя пальцами, как это делала мама? Мама всегда ударяла по яйцу посередине, а потом легким движением двух пальцев разделяла скорлупу, и прозрачный белок вместе с округлым желтком аккуратно падали в миску. Интересно, как разбивает яйца этот «абориген»? А приезжие? А А Лань? А Хуэй? Одинаково ли они это делают? Какую сторону выбрал Хуэй? А я? Какую должна выбрать я? У меня неловкие руки, вечно я все ломаю, пальцы испачканы в белке и желтке, липкие, как сопли.

Может, из-за этнической разницы, а может, и по другой причине, но «абориген» в этой группе тайваньцев всегда держался особняком. Я чувствовала это по тому, как они с ним разговаривали. Несмотря на невзрачную внешность и одиночество, этот «абориген» был весьма талантлив: он получил место ассистента профессора в университете Цинхуа в Синьчжу. Это было событие неординарное. Получить должность профессора на Тайване, кажется, не проще, чем в Америке. Во-первых, университетов там немного, а во-вторых, зарплаты профессоров на Тайване сейчас очень высоки. Если платят прилично, то кто откажется вернуться на родину?

Такое радостное событие в конце концов свелось к грусти: парни выпили, начали плакать, словно каждый из них был тем самым человеком, который всех покидает. Возможно, каждый втайне хотел бы быть тем, кто уходит. А Вэнь тоже немного опьянел и прослезился, но я знала: он не завидует уезжающему. Ведь всего несколько часов назад, на залитом солнцем берегу реки, он признался мне, что не хочет возвращаться на Тайвань.

Он не хочет жениться, заводить детей и наследовать семейное дело. Но все же, почему он не хочет жениться?

<http://bllate.org/book/21154/2144366>